

Александр Груша

«ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ (Мф. 7:7)». ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О «ЗАОЧНЫХ» ЛИСТАХ КАНЦЕЛЯРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО¹

Памяти Валентина Наумовича Рябцевича

Введение в научный оборот явления заочных листов, исходящих из канцелярии Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), и важность их исследования принадлежит польскому историку Юлиушу Бардаху. Анализируя данное явление, он пришёл к следующим заключениям. Канцелярия ВКЛ относительно часто признавала противоречивость подготовленных ею актов. Причиной их появления было то, что документы готовились на основании одностороннего изложения дела заинтересованной стороной, без предварительного изучения всех обстоятельств. Этим и пользовались получатели документов, представляя положение вещей в выгодном для себя свете. Это приводило к тому, что великий князь, например, несколько раз изменял свои судебные решения, которые вступали в противоречие с приговорами суда панов-рад; часто случалось так, что одно имение великий князь мог пожаловать разным лицам и т. д. Выдачу заочных листов Ю. Бардах был склонен объяснять тем, что деятельность великого князя не приостанавливалась и тогда, когда он покидал пределы ВКЛ и находился в Польше, где отдавал распоряжения самостоятельно от панов-рад. На издание противоречащих друг другу актов дополнительно влиял факт сосуществования отдельных «русских» и латинских писарей. Потому одна сторона могла получить «русский» документ с одним решением, а вторая – латинский с другим (причину происходящего Ю. Бардах прямо не объясняет; очевидно, он считает, что «русские» писари не знали, какие документы готовили латинские писари и наоборот). Попытки ограничить действие заочных листов, по мнению исследователя, не привели к ликвидации всех трудностей, вытекающей из чрезвычайно несовершенной работы канцелярии.

¹ Работа выполнена при поддержке Kasy im. Józefa Mianowskiego i Polskiego Komitetu do Spraw UNESCO.

Причину существования такой практики в работе канцелярии Ю. Бардах видел в недостаточно исправном функционировании аппарата власти, в том числе, господарьской канцелярии². Но тогда возникает вопрос: что мешало канцелярии, в частности, и аппарату власти, вообще, функционировать исправно, и какие меры следовало принять для улучшения их работы. Эти вопросы остались без ответа. Попробуем ответить на них, используя также важные наблюдения и выводы Ю. Бардаха, сделанные им в других работах. По некоторым соображениям ограничим период исследования первыми 26 годами правления Жигимонта I Старого.

Заочные листы в большом количестве встречаются во всех книгах Метрики ВКЛ за 1506–1530 гг. (и в книгах более позднего времени). В зависимости от сферы функционирования их можно разделить на несколько групп: листы, регулирующие (или, точнее, которые должны были регулировать) судебные отношения, распределение земельных пожалований и других источников доходов, а также должностей. Приведём типичные примеры. Начнём с первой группы листов.

Берестейский старостич Станислав Юрьевич Ильинич жаловался великому князю, что дворный конюший Василей Богданович и дворянин Лев Семёнович Чижи вместе с новгородскими боярами Протасовичами и Бейнаровичами заочно «побрали» у великого князя листы и судей. Согласно этим листам, Ильинич вместе с другой судебной стороной должны были вести копу по тяжбе о землях, дубравах и «в ыншых» кривдах», о чём якобы между ними существовала договоренность. Между тем, Ильинич писал великому князю, что никакой договоренности не было «и к тому не призволяль, ани жадного року о то не приймаваль», поскольку имение Мир, под которым другая сторона «искала» земель и дубрав, является общим имением Ильинича и его братьев. Великий князь, ссылаясь на информацию Ильинича, запретил Чижам, Протасовичам и Бейнаровичам собирать копу и вызывать Ильинича «въ право». В листе указанным лицам, датируемом январем 1530 г., господарь писал, что в случае, если им «видело ся» какая «кривда», чтобы они с Ильиничем «очевисто» перед панами-радой высказали свои жалобы «на первомъ», т. е. ближайшем сойме в Вильне, взяли судей, установили срок слушаний и вели тяжбу согласно обычаю «прав земских»³. Вопреки решению, изложенному в этом листе, Лев Чиж и Бейнаровичи, на основании первых господарьских листов всё-таки вывели судей, которые «отъехали» в земли Ильинича и дали их в держание Чижу и Бейнаровичам. «Ино естли

² *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej za Zygmunta I Starego (далее – *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej...) // *Tenże.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970 (Prace Białostockiego t-wa naukowego. Nr 13) (далее – *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego*). S. 352–362 и др.

³ *Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) /* Par. E. Gudavičius, J. Karpavičienė, G. Kirkiėnė ir kt. Vilnius, 1997 (далее – LM–224). № 439. P. 357–358 (1530).

будет(ь) он о томъ зъ вами очивисте не мовиль, и року не приймавалъ, – писал великий князь Чижа и Бейнаровичам в марте 1530 г., – намъ то дивно ест, ижъ вы заочными листы н(а)шыми тые земли казали в него судямъ своимъ отъехати». Великий князь повторил ранее принятое решение – Чижи и Бейнаровичи должны были стать на суд панов-рад на ближайшем сойме в Вильне, а также им запрещалось вступать во владение той частью имения, которую им ранее присудили судьи⁴. Однако, как следует из листа за май 1530 г., адресованного Ильиничу, господарь уже занял сторону Чижей, Бейнаровичей и Протасовичей. В нем говорилось, что великий князь установил срок для сбора копы, на которую согласились тяжущиеся стороны сами «очивисто» перед господарем. Судьи со стороны Чижей, Бейнаровичей и Протасовичей, выехав на место слушания, неоднократно вызывали Ильинича и его судей, но безуспешно. Это обстоятельство повлекло проверку того, действительно ли обе стороны согласились на сбор копы. Паны-рада обратились к писарю канцелярии Коптю Васильевичу, который «отворяль» «книги записные», т. е. книги «Метрики», где была обнаружена запись, что Ильинич действительно «очивисте» принял рок перед великим князем. В результате господарь подтвердил решение судей и обязал Ильинича покрыть расходы второй стороны. Характерно, что те листы, которые Ильинич «побрал» у господаря, не сообщая, что он «с ними о томъ мовиль, штобы судьи в томъ тебе с ними не судили и дали до п(а)новъ рад н(а)шых», великий князь в своём листе признал как взятые «заочъне»⁵. Таким образом, утверждение Ильинича, что никакой договорённости со второй стороной относительно сбора копы не существовало, оказалось ложным, что и привело к изданию великим князем противоречащих друг другу документов.

В результате тяжбы между дорогицкой землянкой Зофеей Издебской и её мужем Павлом Нужежским, с одной стороны, и дорогицким землянином Лукашем Скирвином, с другой, о презысках (возмещение судебных издержек) великий князь присудил их Зофее и её мужу, и в качестве оплаты за них дал в держание именье Скирвина Буяки. На первый взгляд, тяжба была завершена и вынесен вердикт, засвидетельствованный судебным листом. Между тем, Скирвин обратился в ту же канцелярию, выдавшую судебный лист, и взял там латинские листы, посредством которых возвратил себе Буяки⁶.

Тот же характер, что и листы, регулирующие судебные процессы, имели листы других групп. Князь Василей Семёнович Жилинский выпросил у великого князя двор Годутишки Виленского повета, которым владел смоленский окольник Иван Кошка на условии «до очищенья» отчизны, на том основании, что те его именья, которые забрал великий князь московский, уже воз-

⁴ LM–224. № 453. Р. 366–367 (1530).

⁵ LM–224. № 496. Р. 395–396 (1530). См. также: LM–224. № 520. Р. 412–414 (1530); *Bardach J. O praktyce kancelarii Litewskiej ...* S. 354; *Лазутка С., Валиконите И., Куркене Г., Карпавичене И.* Введение // LM–224. Р. VIII–CIX.

⁶ LM–224. № 30. Р. 61–62 (1522); *Bardach J. O praktyce kancelarii Litewskiej ...* S. 357.

вращены назад⁷. Однако оказалось, что это не так: Иван Кошка прежними именьями не владел и поэтому великий князь вернул ему Годутишки⁸.

Господарь пожаловал дворянину Льву Тишкевичу дворцы Жолудского повета Можейково и Бикушки, которые прежде находились во владении «зрадыцы» Михайлы Гагина⁹. Но великому князю бил челом князь Василей Андреевич Полубенский и «напоминал», что «перьво сег(о)» эти дворцы были пожалованы ему¹⁰.

В отсутствие в Бельском повете земского писаря этого повета Станислава Вирбовского перед господарем было «поведано», что Вирбовский получил писарство Мазовецкого княжества, проживает в этом княжестве, а своей должности в Бельске «ни пильноваль». На этом основании заинтересованные лица просили у господаря, чтобы бельское писарство «отдалили» от Вирбовского и дали его в держание писарю виленского воеводы Венцлаву (как предполагает Е. Охманьский, именно он скрывался под псевдонимом Михалон Литвин). Между тем оказалась, что эта информация не соответствовала действительности: Вирбовский действительно ездил в Мазовецкое княжество, однако по господарским и земским делам, а в качестве подтверждения своих слов предоставлял господарские листы – «истоту тог(о)». Великий князь подтвердил Вирбовскому право на бельское писарство, отметив, в частности, что «нам не годит(ь) ся никому безь слушныхъ причинъ врядов отбирати»¹¹.

Источники следующим образом отражают особенности работы канцелярии с информацией и «технологию» принятия решений. В ноябре 1522 г. великий князь писал овруцкому старосте Михайлу Михайловичу Халецкому, а также землянам и дворянам Овруцкого повета и всем тем, кто имел именья в данном повете, о жалобе овруцких мещан и принятом в связи с ней решением. Суть жалобы заключалась в следующем: господарь дал в держание половину овруцкой корчмы Халецкому, а вторую половину – «наполю» овруцким землянам и мещанам с условием, что Халецкий должен был организовать полную сторожу со своей половины, а земляне и мещане – со своей. Однако земляне «выправили» себе господарский лист, по которому половина корчмы оставалась только за ними. Великий князь приказал Халецкому держать корчму «подле первое данины», а если бы земляне не хотели добровольно уступить мещанам их части корчмы – ввести мещан в держание¹². В мае 1523 г. Халецкому был послан второй лист. Оказалось, что господарь, когда находился вместе с панами-радами в Городне, дал половину корчмы

⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499-1514). Užrašymų knyga 8 / Par. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995 (далее – LM-8). № 440. P. 325–326 (1509).

⁸ LM-8. № 447. P. 329–330 (1509).

⁹ LM-8. № 315. P. 257 (1508).

¹⁰ LM-8. № 379. P. 287 (1508).

¹¹ LM-224. № 487. P. 389–390 (1530).

¹² LM-224. № 29. P. 61 (1522).

только овруцким землянам; с этой корчмы они должны были «завжды поготовю мети» сторожу от татар и для защиты замка в размеры 30 коней. А мещане «упросили с(я)» у господаря к землянской половине корчмы. При этом никакой помощи землянам мещане не оказывали, что письменно подтвердил Халецкий: «иж з мещан жадное обороны замку <...> нет», а он не имеет «с кимь замку <...> боронити и от татар сторожи мети». В связи с этим великий князь приказал половину корчмы передать в держание одних только землян¹³. Однако в сентябре 1523 г. от господаря поступило новое распоряжение: передать вторую половину корчмы в совместное держание землян и мещан на прежних условиях. Основанием для указанного решения послужило *сообщение мещан*, согласно которому земляне дезинформировали великого князя: «*въкрасивши реч свою*», земляне «упросили» половину корчмы, заявляя, якобы мещане не выполняли господарьской службы и не организовывали сторожы, в то время как по утверждению мещан они всегда службы господарьской и польной «были пилны и сторожу на поли держывали, и на службе господарьской «поспол з ними бывали»¹⁴.

В данном случае обращает на себя внимание следующее. Великий князь не проводит выяснения реального положения вещей. Информация, поступающая господарю, воспринимается как достоверная и точная, она не подвергается сомнению и, соответственно, не проверяется. Но таковой эта информация остаётся только до появления новой информации, исходящей от другой стороны. Следовательно, достоверность и точность признается только за последней информацией. Вся эта информация противоречивая. И поэтому в своих решениях господарь вступает в противоречие с самим собой. Из первого листа следует, что половина корчмы была отдана в совместное держание землян и мещан, а земляне, нарушив предписание господаря, «выправили» себе лист, по которому половина корчмы оставалась только за ними. Из второго листа следует, что господарь дал половину корчмы только овруцким землянам. Стало быть, не земляне, а мещане «упросили с(я)» у великого князя к другой половине корчмы. В данном листе указывается, что мещане отказываются организовывать польную сторожу и это подтвердил овруцкий староста. Однако в третьем листе указанная информация игнорируется и утверждается обратное. Таким образом, великий князь реагирует только на последнюю информацию, не беря в расчёт предыдущую, в том числе «официальную информацию», исходящую от должностных лиц, в результате чего несколько раз меняет своё решение.

Великий князь запретил привлекать к духовному и светскому судам татарины Войну Богдановича и его жену Айшу Легушевну по иску претендента на «руку и сердце» Айши Мусы Кульзумановича. Основанием для такого решения послужили показания Айши, которая признала, что она «по своей

¹³ LM–224. № 53. P. 77 (1523).

¹⁴ LM–224. № 70. P. 89–90 (1523).

добрый воли за него пошла, а за тог(о) Кулзимановича не была змовлена ани венчана», а также господарский лист братьям Легуша, т. е. дядьям Айши – Аразу и Айдару Хазбеевичам, чтобы они своих братанок не выдавали замуж без согласия их матери и дядей. Но, исходя из показаний Кульзумана и Мусы, господарь изменил своё решение и передал тяжбу на духовный суд. При этом оказалось, что ещё раньше господарь писал матери Айши (даже накладывая заруку), чтобы она «девки» не выдавала замуж ни за кого, кроме Мусы, «водлугъ змовы и венчан(ь)я з нею его»¹⁵. Так следует из двух первых листов троцкому воеводе Константину Ивановичу Острозскому. Но в третьем листе воеводе великий князь возвращается к первому решению, но при этом отмечает: «И Кулзуманъ зася в нас инъшии листы собе у Петрикове выправил и о тую девку позывають в духовное право татарское», имея в виду второе решение¹⁶. Таким образом, во время конфликта сторона, имеющая все основания для положительного судебного решения, не могла быть уверена в скором и успешном для неё исходе тяжбы.

Подданные хорошо знали о такой практике и поэтому некоторые из них реагировали на каждый сигнал нарушения их владельческих прав. Князь Константин Фёдорович Крошинский трижды – в 1506¹⁷, 1509 и 1512 гг. – подтверждал пожалование на имение Дубно (Дубен) Городенского повета, мотивируя это, в частности, во втором случае тем, что «многие люди» хотели у господаря «подъ нимъ того двора и людеи подъпрохивати»¹⁸, а в третьем – что некоторые подданные господаря просили у него «и хотели просити земля и людеи того двора дубинских, *не ведаючи таковых листов*» у Крошинского (тут и далее выделено нами. – А. Г.)¹⁹. Подчасий, василишский и марковский державца Ян Миколаевич Радивилович, когда получил в держание двор Марково, «выстерегаючи ся того, абыхмо того двора н(а)шого *под нимъ кому инъшому не дали або его у пенязех не заставили*» бил челом господарю, чтобы упомянутый двор дали ему в держание «до жывота»²⁰.

Но не надо полагать, что великий князь не имел представления о такой практике. Князь Матфей Микитинич «побрал» листы у господаря в связи с иском на своего зятя князя Петра Масальского об имение Струга и движимом имуществе. Но оказалось, что жена Масальского записала ему одну треть имения и всё движимое имущество, что было письменно подтверждено великим князем (жена вскоре умерла). Согласно листу великого князя: «Ино

¹⁵ LM–224. № 63. P. 85–86 (1523); № 77. P. 92–93 (1523).

¹⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14 / Par. L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2008 (далее – LM–14). № 500. P. 205–206 [1524].

¹⁷ LM–8. № 164. P. 168 (1506).

¹⁸ LM–8. № 446. P. 329 (1509); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25 / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 1998. № 192. P. 250 (1531).

¹⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Par. K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002 (далее – LM–9). № 399. P. 247 (1512).

²⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12 / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2001 (далее – LM–12). № 271. P. 269 (1523).

ачкольвек листы н(а)ши кн(я)зю Матфею <...> о тые статки и о имен(ь)е казали есмо были подавати, а ведьже то есмо были вчинили, *не ведаючи, абы он таковые листы от жоны свое и потверженъе н(а)шо мел*, а так, угленувшу в привилей наш и в запис жоны его, не видело ся намъ его с тог(о) имен(ь)я его рушати <...>²¹. В жалованном листе Жигимонта тому ж Петру Масальскому на держание Любошанской волости после смерти любошанского державцы Юрья Немировича прямо сказано: *«И ачколвек быхъ в неведомости того листу нашего дали тую волость нашу иншому кому держати, однако ж тотъ не маеть тое волости держати <...>»*²². То же самое было повторено в жалованных листах Жигимонта князю Ивану Михайловичу Вишневецкому на держание замка Речица (после смерти речицкого державцы Семёна Полозовича)²³, дворянину Тишку Козинскому на держание Овруцкого замка (после смерти овруцкого наместника Михайлы Михайловича Халецкого)²⁴. Господарь ясно излагал причину выдачи заочных листов: *«мы листы н(а)ши даем такъ, какъ хто в насъ просит(ь)»*²⁵.

Издание заочных листов дезорганизовывало деятельность местных властей, во всяком случае, ставило их в сложную ситуацию, когда они получали сначала один приказ, потом второй и, наконец, опять первый. В такой ситуации оказался, например, троцкий воевода Константин Иванович Острожский, к которому великий князь несколько раз обращался по поводу конфликта Войны Богдановича и его жены, с одной стороны, Кульзумана и его сына Мусы, с другой (см. выше). В июне 1528 г. господарь совместно с панамирадой, рассмотрев тяжбу между полоцкой воеводиной Станиславовой Глебовича Зофеей и её зятем маршалком Матеем Войтеховичем Яновича, с одной стороны, и дорогицким земянином Ленартом Косенским, с другой, о разных «кривдах» «в землях и границахъ», вынесли вердикт в пользу Станиславовой и Матея, но с двумя оговорками: Ленарт *не должен был выплачивать презыски до окончательного приговора суда великого князя* (планировалось, что приговор будет вынесен после приезда господаря в ВКЛ); слушание дела об отнятии людей, гвалтах, грабежах и избиении земян переносилось на заседание «городового» (замкового) дорогицкого суда, который должен был вынести приговор на основании решения комиссаров²⁶. Всё это было отражено в судовом листе на «руском» языке, выданном Станиславовой и Матею²⁷. Но, как следует из листа великого князя дорогицкому старосте Петру Станиславовичу и городовому судье²⁸, датированного январем 1530 г.,

²¹ LM–224. № 156. P. 137 (1524).

²² LM–12. № 633. P. 484–485 (1527).

²³ LM–12. № 634. P. 485 (1527).

²⁴ LM–12. № 649. P. 498 (1527).

²⁵ LM–224. № 507. P. 404 (1530).

²⁶ «тог(о) они мают(ь) на немъ у праве городовомъ доводити, водле сказан(ь)я их комисарей».

²⁷ LM–224. № 277. P. 235–237 (1528).

²⁸ Вслучае отсутствия старосты – его наместнику.

Станиславовая и Матей получили какой-то другой – латинский лист с подписью господаря, в соответствии с которым великий князь, будучи в ВКЛ, вместе с панами-радой постановили *перенести тяжбу о презысках на суд дорогицкого старосты, который должен был рассмотреть её «подлугъ права городового дорогицкого»*²⁹. Детали слушания, в результате которого было принято данное решение, неизвестны. В листе дорогицкому старосте сообщается, что Ленарт «заочне выправил» себе господарьский лист, аннулировавший выплату презысков³⁰. В связи с этим господарь велел дорогицкому старосте, чтобы он, «не дбаючи о жадные листы Ленарта Косеньског(о), которые бы он в нас себе выправилъ, в тых презысках маршальку нашому, пану Матею, и теши его, п(а)ней Зофеи, наконецъ сказан(ь)е въчынил, водле первого росказан(ь)я и листу нашог(о) латиньского и водлугъ тежъ тамошьнего права городового дорогицкого, конечно, абы то инакъ не было, абы он о том болшь того намъ не жаловаль»³¹. Следовательно, в данном случае господарь предписал руководствоваться латинским листом. Но из третьего листа великого князя дорогицкому старосте и городовому судье³² за март 1530 г. следует, что лист, «по латине писаный», обязывающий дорогицкого старосту рассмотреть тяжбу о «презысках и шкодах, и кгвалтех» в «городовом» суде, Матей Войтехович и Зофея взяли себе «заочне». Более того, они заочно получили ещё один лист с аналогичным решением, но теперь уже из «русской» канцелярии (все эти листы были внесены в замковые книги). Дорогицкий староста выполнил приказ великого князя в соответствии с латинским листом. Между тем, к господарю приезжал Косенский и показывал «выпись выроку и сказан(ь)я» господаря, по которому Ленарт освобождался от выплаты презысков. В результате великий князь вернулся к первому своему решению: запретил требовать от Ленарта выплаты презысков, а латинский лист «в нивеч обернул»³³.

Ленарт Косенский жаловался великому князю, что земляне Дорогицкого повета Кореневские заочно получили от господаря латинский лист, «абы вы тыи презыски на немъ отправили, або в ыимене его в томъ казали увязати». В связи с этим великий князь приказывал местным властям: «Прото и тыми разы приказуем вам под упущченемъ вашихъ урядовъ, ажъбы есте о тотъ листъ нашъ латиньский, которыи они в себе будутъ мети, ничого не дбаючи, тыхъ винъ и презысковъ тымъ Кореневьскимъ на нем не всказывали и ни в

²⁹ LM–224. № 433. P. 354–355 (1530).

³⁰ «в тых презысках переказу чынячи, абы не были на нем въсказываны».

³¹ LM–224. № 433. P. 354–455 (1530).

³² В случае отсутствия старосты – его заместнику.

³³ «Прото, приказуемъ вам, – завершает великий князь в своём листе, – ажъбы есте тым листом н(а)шым латинскимъ тых презысков и зарукъ на нем не всказывали и до права замкового о тых кгвалтех и грабежах его перед себе не позывали и о то его не судили, и тые листы, которые на тые презыски прислушають(ь), въ книгах в(а)ших права городовог(о) касовали и въ нивечь обернули». – LM–224. № 473. P. 381 (1530); *Bardach J. O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 358.*

чомъ подле того листа не поступовали конечно; инако бы есте того не вчинили»³.

Близость к господарю влиятельных и могущественных представителей знати, в том числе панов-рад, не спасала их от участи жертвы заочных листов. Реагируя на жалобу дворного маршалка Юрия Ивановича Ильинича на виленского воеводу Ольбрехта Мартиновича Гаштольда о владении пущей (которую Ильинич называл Лесища, а Гаштольд считал её своей Ляховичской пущей), великий князь издал лист о рассмотрении тяжбы между Гаштольдом и Ильиничем. Однако оказалось, что это тяжба уже рассматривалась на суде панов-рад, по результатам которой великий князь вынес вердикт. Согласно с последним, Гаштольд не должен был «никогого права с паном Юремъ вести», а только предоставить «довод», что предки Гаштольда за отца и брата великого князя и сам Гаштольд за великого князя держали пущу, а пан Юрей за предков великого князя и за великого князя были в молчании и не имели никаких на эту пущу листов. Господарь признал: «Ино кгда ж тая реч так ся в себе маеть, ачь-колвек тыи листы пану Илиничу велели есмо дати, то есмо вчинили, *пробачывши оных первых листовъ, которые панъ воевода первой отъ нас одержал*». В связи с этим великий князь писал панам-раде, чтобы они запретили Ильиничу вызывать Гаштольда в суд и вступать в его пущу³⁵.

С помощью заочных листов можно было не только получить уже пожалованное другому лицу имение, но и ввязаться в имение³⁶, отсрочить долг³⁷ и т. д. Противоречивые решения великого князя вызывали недоверие к его листам. Бытовало мнение, что эти листы готовились вне канцелярии³⁸, т. е. незаконно. Недоверие к листам перерастало даже в физическое надругательство над ними. Латинский секретарь, скерстомонский державца Станислав Скоп неоднократно жаловался на жомойтскую боярину Юрьевую Бернатовича, которая устроила нападение на его именье Лаково и «многии кривьды и шкоды ему и людемъ его поделала» в то время, когда он находился на господарской службе в Кракове. Но на приказ господаря Юрьевая «ничого дбати не хотела», более того, со слов великого князя она «на тыи листы наши *не вчливими словы сегала*, менечи то, абы тыи листы наши не з нашего росказанья выходили и казала деи еси **тыи листы в кашы варити**»³⁹.

Не только подданные, но даже и господарские урядники отказывались исполнять решения великого князя. В этой ситуации господарь действовал угрозами и наставлениями. Берестейский землянин Павел Челесницкий

³⁴ LM–14. № 561. P. 227–228 (1525); *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 357.

³⁵ LM–224. № 221. P. 188 (1525); *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 355–356.

³⁶ См. также: LM–14. № 301. P. 150 [1524]; № 341. P. 157 [1524]; № 365. P. 163 [1524]; № 553. P. 224 [1525]; № 857. P. 368 (1527); № 927. P. 406 (1529).

³⁷ LM–14. № 553. P. 224 [1525].

³⁸ LM–14. № 54. P. 102 (1527); № 560. P. 226 (1525); № 561. P. 227 (1525).

³⁹ LM–14. № 843. P. 357–358 (1527).

жаловался великому князю на мельницкого старосту Немиру Грималича в том, что когда он, имея «некоторое дело» к Яну Климчицкому и к другим мельницким землянам, приезжал с господарскими листами «у кривдахъ своих» к старосте, тот противодействовал ему. В частности, Немира запрещал возным вызывать упомянутых мельницких землян в земский суд и всячески нейтрализовал действия Челесницкого по организации слушания тяжбы. Мотивом для таких действий Немиры послужило то, что эти листы писарь якобы готовил без воли господаря. Великому князю в листе к Немире Грималичу даже пришлось разъяснить технологию письменного оформления принятых решений и удостоверения документов, а также призвать старосту к выполнению распоряжения, указывая на обязательность приказаний господаря даже для панов-рад⁴⁰. Парадокс всей ситуации заключается в том, что эти угрозы и наставления звучали в заочных листах, что ещё более усложняло ситуацию.

Принятие тех или иных мер против заочных листов, например, признание прав на владение или должность за тем владельцем или должностным лицом, которые первыми получили привилей⁴¹, не решало проблему, поскольку открытой для махинаций с заочными листами оставалась судебная сфера. Великий князь неоднократно указывал на случаи использования заочных листов: «<...> *ижъ ты, реч свою перед нами вкрасивши*, дворанина нашего в нас взял и безъ жадного права у двор и волости его увязал ся, не вымовный шкоды там ему и бояромъ, и людем его там поделал, а поведаючи, ижъ то еси учинилъ для своих кривдъ а за листомъ нашим». И тут же разъяснял причины их выдачи: «И што ся дотычет того листа нашего, за которымъ ся еси во имения его безправне увязаль, *мы даем листы кожъдому на жалобу такъ, какъ он жалуеть* <...>»⁴². В понимании господаря ответственность за выдачу заочных листов падала не на него и его писарей, а на получателей, выпросивших их у великого князя⁴³.

Дело в том, что существовал довольно простой способ, чтобы свести к минимуму, а то и вообще ликвидировать практику выдачи заочных листов – записать принятое решение и сохранять записанное с целью соотнесения и

⁴⁰ «Ино поведаемъ тебе, ижъ мы таковых писарей не маем, которыи бы безъ воли и росказана нашего листы наши писали и справовали, а к тому печат наша Великого Князства Литовского за ключомъ нашимъ в захованьи есть, а кожъды писаръ нашъ справуеть и пишеть на жалобу подъданныхъ наших водле росказаня нашего г(о)с(по)д(а)рьского, бо кгда мы до иншихъ пановъ рад, воевод листы наши пишемъ, тогда ихъ м(и)л(о)ст тыхъ листовъ наших суть послушни и въ высокои почесностии их мають, а ты, будучи вранникъ нашъ мельницкии, смеешъ таковыми словы напротивку росказаню нашему сегати, што жъ нам есть вельми дивно». – LM–14. № 836. P. 353 [1526]; *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 366.

⁴¹ *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 358.

⁴² LM–14. № 857. P. 368 (1527).

⁴³ Так следует и из следующего высказывания господаря: «<...> мы никому привилъевъ нашихъ и листовъ наших на привилиа и листы наши не даемъ, а даемъ имъ такъ, как хто в нас просить <...>». – LM–14. № 910. P. 394 (1528).

сопоставления в перспективе данного решения с ранее принятым. Большое количество решений создавало массу записей и ставило вопрос о совершенствовании способов их систематизации и хранения. Эти способы в значительной степени зависели от того, как часто обращались к записям. Одно дело – хранить их разрозненно в разных местах, другое – в одном месте. В последнем случае немаловажно, по какому принципу они сгруппированы, например, по предметному (предметно-хронологическому) или просто хронологическому. Существенное значение имеет форма хранения записей: связки записей на отдельных носителях (фасцикулы) или записи сведены в кодекс (книгу). Письменно хранить исходящие документы великие князья литовские стали в XV в. Нет оснований сомневаться в том, что великий князь Свидригайло пользовался какими-то копиями книг⁴⁴, поскольку известно, что чуть позже – при Жигимонте Кейстутовиче – подобные книги велись даже в регионах⁴⁵. Впрочем, в канцелярии Казимира 40–50-х годов XV в., вероятнее всего, пользовались записями, которые хранились в фасцикулах. В кодекс эти записи были собраны в 1480-х гг.; тогда же стали переписываться в книги и текущие документы⁴⁶. На первый взгляд, появление копийных книг, а также предметный способ их ведения⁴⁷ должны были отражать возросшую потребность обращения к их содержанию, но настораживает отсутствие некоторых чрезвычайно важных элементов вспомогательного аппарата этих книг. Анализ книг-копий Метрики ВКЛ конца XVI – начала XVII в. (это тема отдельного исследования, потому в данный момент этот аспект мы опускаем), то книги Метрики конца XV – первой половины XVI в., а также после-

⁴⁴ *Sulkowska-Kurasiowa I.* Dokumenty królewskie i ich funkcja w państwie polskim za Andegawenów i pierwszych Jagiellonów 1370–1444. Warszawa, 1977. S. 83. Przypis. S. 92.

⁴⁵ Есть сведения о «земских книгах», которые велись при смоленском наместнике Иване Вяжевиче. – Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею (далее – РИБ). Т. 27: Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1.: Книги записей. Т. 1. / Под ред. И. И. Лаппо. СПб., 1910. Стб. 578 (1495).

⁴⁶ *Бережков Н.* Литовская Метрика как исторический источник. Москва, Ленинград, 1946. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. С. 95; *Груша А.И.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. Мінск, 2006 (далее – *Груша А.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага). С. 103–104.

⁴⁷ Историография вопроса, см.: *Груша.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага. С. 14–24. См. также, с. 103–108; *Valikonytė I.* W poszukiwaniu modelu układu najstarszych ksiąg Spraw Sądowych Metryki Litewskiej // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. P. 104–111.

⁴⁸ За исключением 9-й книги Метрики и книги Метрики за 1516–1518 г., заслуживающих отдельного рассмотрения: *Бережков Н.Г.* 9-я книга Записей Литовской Метрики // Исследования по истории Литовской Метрики: Сб. науч. тр. Москва, 1989. Ч. 1; *Pietkewicz K.* Metryka Litewska – księga wpisów za lata 1516–1518 // Lituano-Slavica Posnania. Studia Historica. 1994. Т. VI; *Tenže.* Księga 9 wpisów (записей) Metryki Litewskiej, układ i zawartość, oraz jej kontynuacja do roku 1518 z Archiwum Radziwiłłowskiego // Lietuvos Metrika, 1991–1996 m. tyrinėjimai. Vilnius, 1998; *Tenže.* Przedmowa // LM–14; *Груша А.* Книга Метрыкі 9 (1511–1516) і эарганізацыя канцелярыі Вялікага княства Літоўскага 1516–1522/23 // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. 2001. № 3.

дующего периода *не имели ни оглавления, ни подокументальных заголовков*⁴⁸, не говоря уже о каких-либо указателях. Без них оперативный и даже успешный поиск необходимых записей в книгах *значительно снижался*⁴⁹. Но проблему можно поставить иным образом: были ли эти книги вообще предназначены для активного поиска в них ранее изданных документов?

Сведения о поиске документов в книгах Метрики действительно присутствуют⁵⁰, но они не представлены систематически и не оформлены в стандартные формулы, что могло бы свидетельствовать о привычной практике канцелярии. Сохранился ряд фактов, свидетельствующих о восстановлении утраченных (сгоревших, утерянных, утонувших) документов. Поиск последних в книгах Метрики не производился, также как и восстановление их текстов по упомянутым книгам. Утраченные в силу разных причин документы восстанавливались на «поведанье» местных властей⁵¹, на основании «сведомья» панов-рад⁵² и даже просто «добрых людей»⁵³, что утраченные документы действительно существовали. В некоторых случаях великий князь мог назначить расследование, действительно ли проситель владел теми или иными землями и т. д.⁵⁴

Но чаще всего достаточно было свидетельства просителя, что тот или иной лист когда-то существовал, или предоставления «знаков», т. е. остатков этого листа⁵⁵. Во всяком случае, в источниках нет указаний о каких-либо дополнительных «сведомьях»⁵⁶. Иногда для подтверждения существования документов великий князь мог обратиться за справкой в канцелярию – к писарям или канцлеру. Но при этом нигде не говорится, что писари проводили поиск документов в книгах Метрики, или что канцлер распорядился выполнить

⁴⁹ В данном случае канцелярия ВКЛ не была исключением. О подобной ситуации, например, в канцеляриях английских королей XIII в., см.: *Clanchy M. T. From Memory to Written Record: England 1066–1307*. 2nd ed. [Oxford, 1993] (далее – *Clanchy. From Memory to Written Record: England 1066–1307*). P. 168–172.

⁵⁰ *Груша А.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага. С. 28–32, 97–102; LM–8. № 440. P. 325 (1509); LM–14. № 54. P. 101–102 (1527) и др.

⁵¹ LM–9. № 311. P. 217 (1516); № 312. P. 217 (1516); LM–12. № 65. P. 157 (1522); № 472. P. 377 (1525); № 596. P. 456 (1526).

⁵² LM–9. № 219. P. 181 (1516).

⁵³ LM–12. № 595. P. 455 (1526)

⁵⁴ LM–12. № 369. P. 314–315 (1524).

⁵⁵ LM–12. № 1. P. 119 (1522).

⁵⁶ LM–8. № 184. P. 184 (1507); № 273. P. 228 (1507); LM–9. № 5. P. 76 (1511); № 65. P. 107 (1511); № 77. P. 112–113 (1511); № 88. P. 118 (1511); № 260. P. 196 (1511); № 313. P. 217 (1516); № 549. P. 304 (1516); № 572. P. 318 (1516); № 610. P. 336 (1517); LM–10. № 16. P. 43 (1518) и др.; LM–12. № 108. P. 180 (1522); № 533. P. 417 (1525); № 534. P. 418 (1525); № 535. P. 418–419 (1525). На практику устных свидетельств при выдаче подтверждающих листов обратил внимание М. Косман: *Kosman M. Archiwum wielkiego księcia Witolda // Archeion*. T. XLVI, 1967. S. 137–138.

⁵⁷ LM–8. № 485. P. 352 (1510). В данном случае Миколай Миколаевич Радивил мог выступать и как виленский воевода, и как пан-рада. См. также: LM–9. № 28. P. 92 (1512); LM–224. № 18. P. 55 (1522).

подобную работу⁵⁷. Главным основанием для выдачи, в частности, новых «потвержонных» листов была давность владения просителя. Примеров, указывающих на значение этого правового фактора, в источниках множество⁵⁸. Великий князь часто более надеялся на память, чем на письменные свидетельства, на которую и ссылался в тех или иных случаях⁵⁹. Но очевидно, что способ восстановления документов по их копиям в Метрике был бы наиболее эффективным, т. е. во всех случаях наиболее удобным и быстрым⁶⁰.

В источниках нет и намёка на то, что среди писарей и дьяков был работник, занимающийся поиском документов в книгах Метрики. Эти и некоторые другие (косвенные) факты свидетельствуют о слабой организации этого вида деятельности канцелярии. Логично предположить, что введение данной практики должно было начаться с обязательного фиксирования *всех* исходящих из канцелярии документов. Но такой практики не существовало, и

⁵⁸ Это выражалось в формулах, что тот или иной человек или люди: «до сихъ часовъ того в держаньи былъ во в покои»; «держал аж до сих часов во впокои»; «от тых часов аж до тог(о) часу был в держаньи и во в покои»; «въ держаньи был от тых мечь ажъ до сего часу»; «под собою мель и их вживал аж до того часу»; «деи таки от тых часов аж до сих мечь тых земель в держаньи былъ»; «от колкадесять лет тое именье держали во въ покои»; «в деръжани были ажъ до сих часовъ»; «их от так далеких часовъ держать и их вживают аж до того часу»; «и тую землю дед и от(е)ць их и они сами держат от шестидесят лет, або и далеи, аж до сих часов» и др. – LM–8. № 184. P. 184 (1507); № 273. P. 228 (1507); LM–9. № 77. P. 112 (1511); № 88. P. 118 (1511); № 337. P. 225 (1514); № 572. P. 318 (1516); № 608. P. 336 (1517); LM–12. № 34. P. 140 (1522); № 221. P. 242 (1523); № 257. P. 262 (1523); № 472. P. 377 (1525); № 550. P. 427–428 (1525); № 595. P. 455 (1526) и др.

⁵⁹ LM–224. № 85. P. 97–98 (1523); № 284. P. 242 (1528); LM–12. № 313. P. 289 (1524); № 547. P. 426 (1525); LM–14. № 623. P. 255 (1527).

⁶⁰ В данном случае заслуживает внимание мнение М. К. Любавского: «Правительство по собственной инициативе, вероятно, редко отнимало у кого отчины. Если же это бывало, то обыкновенно по вине разных челобитчиков, которые выпрашивали себе именья, «не поведаючи отчичов», как пустые, оставшиеся «без наследков», или как именья, данные настоящим владельцам их «до воли господарской». *Неудовлетворительное состояние государственной регистратуры благоприятствовало этому, так как правительство не имело под руками таких списков и описей, которые бы давали ему возможность быть в курсе и легко ориентироваться в фактах и отношениях военнослужилого землевладения.* Правда, что уже в изучаемое время велись книги великокняжеской канцелярии и по главным городам книги городские или замковые, но состав их был случайным <...>. Здесь не было систематических и полных списков <...>. Литовско-Русское государство, внутренняя политика которого с самого образования его глубоко была проникнута индифферентным консерватизмом, не выработало ни в своей столице, ни в областных центрах учреждений, которые бы энергически и suo motu развивали свою деятельность по устройству общественных отношений. Общественные отношения складывались большей частью сами собою, и учреждения действовали преимущественно по возбуждению от частных лиц и общественных групп. – *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. Москва, 1892 (далее – *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление ...). С. 557–558.

как показывают архивные материалы, большое количество исходящих документов не копировались в книги Метрики⁶¹. В связи со сказанным следует обратить внимание на два момента. Составлять реестры содержания и подокументальные заголовки можно было, даже не привлекая к работе новых «штатных» сотрудников. Проводить выявление необходимых документов способен был один новый писарь (дьяк), тем более, если говорить о последней трети XV в. – первой трети XVI в., когда книг Метрики было не так уж много. Так или иначе, введение должности нового писаря (дьяка) для выполнения этого вида деятельности весьма незначительно повлияло бы на общий порядок работы учреждения, его же отсутствие можна объяснить невостребованностью подобных функций.

Вообще есть основания полагать, что сверка с записями книг Метрики при принятии решений считалась необязательной еще и потому, что сами эти записи воспринимались как не вполне надежные. Возможно, что именно это было причиной отсутствия практики обязательного копирования всех исходящих из канцелярии документов.

Приведем ряд примеров, которые демонстрируют понимание людьми того времени, и господарем в частности, специфики функционирования документов и их записей в публичном пространстве.

В листе, адресованному киевскому воеводе Юрию Михайловичу Монтовтовичу, господарь информировал его о пожаловании князю Юрию Ивановичу Дубровицкому тех сёл в Киевском повете, которые раньше держал «зърадца» Иван Глинский (сс. Каменое и Боровое), однако при условии, «*если будем кому иному первей сего тых именеи не отдали*»⁶².

Великий князь своим листом, выданным по жалобе виленского радцы Михаила Матфеевича, приказал дворянину Семёне Жабе решать спор (о «некоторую суму п(е)н(е)зеи», золотые и др.) с Михаилом судебным порядком в виленском магистрате. Но Жаба, приехав к господарю, «заочне речь свою украсивши» и «не дьбаючи» о первые листы, «одержаль» новое предписание великого князя, получил листы и дворянина, с которыми «мощно ся увязаль» в дом Михайла, избил и оскорбил его мать, выгнал её из дома, забрав всё движимое имущество. Но более всего внимание великого князя было сосредоточено не на том, что Семён Жаба нарушил его волю, изложенную в первом листе, а то, что он «перед врадомь местским ганиль, якобы *тоть*

⁶¹ По подсчётам К. Петкевича из всех актов великого князя Александра, информация о которых ему известна, в сохранившихся книгах Метрики отсутствует около 44% документов. Исходя из этих данных исследователь предполагает, что эта половина документов либо не была вписана в книги, либо половина книг Метрики не сохранилась до наших дней. Истину исследователь предлагает искать посередине. По мнению К. Петкевича, практика канцелярии была несовершенной – она копировала только часть издаваемых в ней актов. – *Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagellończyka: Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku* (UAM w Poznaniu. Seria Historia. N. 185). Poznań, 1995. S. 37–42.

⁶² LM–8. № 312. P. 255 (1508).

листъ былъ несправедливе писанъ» и выдан радце Михаилу Матфеевичу «не с канцлереи» господарьской. По утверждению господаря: «Мы тыхъ часовъ тыхъ листов казали есмо в книгахъ нашихъ канцлереискихъ смотрети, яко жь суть найдены и тым же обычаемъ писаны, якъ и тамъ принесены, а справовал ихъ з росказаня нашего алектъ киевський, кн(я)зь Миколаи Вежггаило». Решение монарха было таково: «Ино, кгда жь ты в насъ *заочне речь свою украшаючи, а омыльне* листы наши и дворанина нашего на того Михаила побраль, и таковую ему и матъце его легкость и соромоту вчиниль, – а хто в насъ какъ чого просить такъ мы даемъ, такъ тежъ и ты то вчиниль, – приказуемъ тебе, ажъбы еси в кожъдомъ члоньку водле первшихъ листовъ нашихъ Михаилу досыт вчиниль...»⁶³. В связи с этим решением возникает вопрос: если великий князь всё-таки мог узнать о своём решении из книг Метрики, почему он этого не делал своевременно, допуская возможность появления противоречивых предписаний? Почему великого князя интересовал больше вопрос клеветы на работу учреждения, а не факт выдачи заочного листа? (См. также о «несвоевременном» использовании книг Метрики выше: в связи с тяжбой берестейского старостича Станислава Юрьевича Ильинича, с одной стороны, дворным конюшим Василем Богдановичом, дворянином Львом Семёновичом Чижам и новгородскими боярами Протасовичами и Бейнарновичами, с другой, по тяжбе о землях, дубравах и «в ыншыхъ кривдах»).

Великий князь чаще приказывал лицам, отстаивавшим свои права, положить «листы-твёрдости», чем своим писарям «отворить» книги Метрики. Похоже, что Метрика по своей сути не являлась «базой данных», которая бы помогала осуществлять правосудие и контролировать расходование «земельного фонда». В связи с этим не стоит удивляться высказыванию господаря: «ведъже мы въ неведомости, которое речы с канцлереи н(а)шое листы кажемъ выдавати такъ, какъ хто в насъ просить»⁶⁴. В свете этих данных вопрос, зачем канцелярии были нужны книги Метрики, остаётся открытым⁶⁵.

Как уже отмечалась, Ю. Бардах объяснял причину выдачи заочных листов недостаточно исправным функционированием канцелярии ВКЛ. Такое объяснение выглядело бы убедительным, если бы появление листов имело

⁶³ LM–14. № 54. P. 101–102 (1527).

⁶⁴ LM–224. № 517. P. 411 (1530); № 518. P. 411 (1530). См. также: LM–14. № 27. P. 84 [1526]; Bardach J. О praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 358.

⁶⁵ Характерно сравнение, которое привёл М. Т. Клэнчи относительно работы современных историков и средневековых архивистов: «Профессиональные историки связаны в изучении средневековых архивов анахроническим методом. Их задача – рыскать среди документов в поисках информации и затем полагаться на свидетельство, которое они находят, чтобы построить аргумент. Историки слишком легко принимают, что их средневековые предшественники действовали бы аналогично. Но в мире политики тринадцатого столетия, где письменные способы были относительно новы, письменные записи имели ограниченное значение для правительств». – Clanchy. From Memory to Written Record: England 1066–1307. P. 182.

случайный характер, а, между тем, видим систему, принимаемую современниками как должное. Великий князь считал нормой практику выдачи листов на основании только свидетельств просителя, без сверки с содержанием книг Метрики и заслушиванием оппонентов.

Приведённые данные об использовании книг Метрики позволяют скорректировать оценку степени развития письменной культуры в ВКЛ в первой трети XVI в. К тому времени уже существовала сложная процедура пожалования земель и крестьян, требовавшая издания как минимум 2-3 документов. Во время судебных тяжб о земельных владениях судебные стороны виртуозно манипулировали письменными свидетельствами – оригиналами и копиями, подтверждающими их владельческие права, толковали их содержание. Порывы одной судебной стороны подтвердить эти права давностью владения и показаниями свидетелей не выдерживали столкновения с таким мощным контраргументом другой судебной стороны, как «листы-твёрдости»⁶⁶.

⁶⁶ Вот один из «классических» примеров. Рассматривалась тяжба между дворным маршалком Юрьем Ивановичем Ильинича и Яном Петровичем Пенкой о ловах, которые Ильинич называл Малковскими, а Пенко – Люлинскими. Судья «пытали» Яна Пенку: «маеш ли на то которыи листы твердости, ижьбы были тыи ловы твои а предкове твои их держали будуть по тое болото Пропостное, тое перед нами их укажи». Пенко ответил: «*то есть отчизна и дедина моя, непотреба ми жадныхъ листовъ указывати, нижлимъ готовъ то перевести слушнымъ доводомъ, людми добрыми, светками шляхтичи и своими сугранники, ижь то ловы мой, а прадед и дед, и отец мой, и матка моя, и я тыи ловы держали по тое болото Пропостное*». Тот же вопрос был задан и Ильиничу: «маеш ли, твоя м(и)л(о)сть которыи листы твердости, в которых бы листех было твоеи м(и)л(о)сти увышно, абы были тыи ловы Малковский по тое болото Залозе, твоя м(и)л(о)сть перед нами их укажи». Ильинич предоставил судебный лист великого князя Александра по тяжбе между матерью Пенки Петровой и Ильиничем о тех же ловах с приговором в пользу Ильинича. В этом листе говорится, что в качестве подтверждения прав Ильинича на эти ловы послужили листы-твёрдости великого князя Жигимонта Кейстутовича на имение Малковичи и ловы, и судовые листы Казимира. В результате Александр, «убачивши на тыи листы предковъ своих и зрозумевши речъ справедливую, пана Юря в томъ правого знашолъ и тыи ловы его м(и)л(о)сти по Залозе присудилъ». Более того, Ильинич предоставил ещё один лист – великого князя Жигимонта, в котором монарх заверял, что «суда и листовъ судебного брата своего и предковъ своих [не] нарушает». В свою очередь Пенко предоставил привилей Жигимонта на имение Люлин, правда, в котором отсутствовали границы имения. Ильинич заверял, что имеет немало свидетелей из числа шляхты-сограничников – людей добрых, и «даваль» на судей, «естгли бы ся видело» им, кроме предоставления листов, опросить также и свидетелей. Тяжбу выиграл Ильинич. И решающее значение при вынесении приговора имели письменные свидетельства. Согласно источнику: «*коли тыи ловы Александръ, король его м(и)л(о)сть, пану Юрю присудило по тое болото Залозе, какъ жо панъ Пенко и самъ перед нами поведилъ, ижь тое болото зовут Залоземъ, а в листе Александра, короля его м(и)л(о)сти, судовомъ то написано, ижь пану Юрю по тое Залозе тыи ловы присудилъ, а г(о)с(по)д(а)рь нашъ в листе своемъ пишут, иж его м(и)л(о)сть суду брата своего не рушает, намъ ся теж суда и листов г(о)с(по)д(а)рьскихъ рушати не годило ани у светковъ сведоцтва над тыи листы г(о)с(по)д(а)рьскии опытывати не видело, мы пры тыхъ ловах пана Юря zostавили и тыи ловы его м(и)л(о)сти присудили по тое болото Залозе <...>*». – LM-12. № 558. P. 432–433 (1525). В данном случае особенно показательным является то, что по признанию судей им «не годило» признавать показания свидетелей более важными, чем показания господарских листов.

Важным этапом в развития письменной культуры стало использование копийных книг. В них копировались жалованные листы и решения, отражающие различные виды и этапы предсудебных и судебных процессов и т. д. Но общественное сознание ещё было недостаточно готово воспринимать эти записи наравне с оригиналами, которые выдавались непосредственно на руки просителей и исполнителей, относиться к ним как к резервным копиям или просто источникам информации. Примерно таким же образом воспринимались книги Метрики и зарождающейся бюрократией – писарями и дьяками канцелярии. В тех редких случаях, когда писари и дьяки обращались к записям, они делали это, похоже, не по собственной инициативе (хотя, казалось бы, инициатива должна была исходить именно от них). Характер использования книг Метрики является тем случаем, который можно назвать воплощением одной из форм **сосуществования** письменной и устной культуры.

Анализ причин выдачи заочных листов заставляет обратиться к механизмам функционирования сообщества в период господства устной культуры, в частности, к институту дара. В традиционном и раннесредневековом обществах такой структурообразующий феномен, как дар, служил чрезвычайно важным элементом социальных отношений⁶⁷. В социально дифференцированном обществе ВКЛ первой трети XVI в. этот феномен уже не имел всех своих прежних свойств, которые сохранялись и действовали в виде отдельных реликтов. Ю. Бардах первым обратил внимание на существование феномена дара в ВКЛ в области частноправовых отношений и отношений между властью и обществом⁶⁸. По его мнению, в категориях дара осуществлялись,

⁶⁷ Функционирование института дара в раннесредневековых обществах Норвегии и других стран Западной Европы хорошо известно, в частности, из работ А. Я. Гуревича: *Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М., 1970. С. 63–82; *его же. Категории средневековой культуры*. М., 1972. С. 195–206 и др.; *его же. Дары. Обмен дарами // Словарь средневековой культуры / Под. общ. ред. А. Я. Гуревича*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007 (далее – *Гуревич А. Дары. Обмен дарами*). С. 129–134 и др. работы.

⁶⁸ К примерам, которые привёл Ю. Бардах о функционировании института дара в ВКЛ, можно добавить следующие. В одном источнике читаем: «Бил намъ чолом мещанинъ виленьскій Марьтинъ Шварць и поведил перед нами, ижъ он *даровал* брата н(а)шого Алексанъдра, короля его м(и)л(о)сти, двема сты копами грошей, и брат н(а)шъ *за то дал* ему часть поля за рекою Велею подле места Виленьского, где бы он мел камень меловое и глину собе копати и плитницу справити, и печ змуровати <...> и дозволил ему тамъ будованье всякое справляти муром и деревомъ и камень меловое и глиньку копати, и плитницу справити, и печь змуровати, то все его м(и)л(о)сть ему листом своимъ на вечность потвердилъ <...>». – LM–12. № 31. Р. 137–138 (1522). Волковская боярыня Яновая Вабилова жаловалась на невестку Миколаевую Ондрейковичовую, что последняя взяла у Яновой «ув *оддане* вепра». Относительно этого Яновая признала, что действительно взяла у неё вепря, «а еи за то ся не **отъдаровала**» («Затымъ жаловала Яновая на Миколаевую, и *так в ркп., след. чит.* иж) взела у нее ув оддане вепра. Она ся ку тому знала, што в нее взела, а еи за то ся не отъдаровала. Его м(и)л(о)сть пань усказаль на неи за того вепра водлугъ Статута полькопы грошей, и рокъ и заплату тыхъ пенязей положил отъ сего дня за чотыры недели»). – Российский государственный архив древних актов. Ф. 389, оп. 1, д. 228, л. 32 [1538].

в частности, пожалования земельных владений и должностей, а также челобитья (имеющие материальное воплощение, о чём прямо говорят источники)⁶⁹. Некоторые частные наблюдения Ю. Бардаха требуют уточнений. По нашему мнению, необходимо дифференцировать значение формулы «бил чолом» нарации жалованных листов (привилеев) от значения формулы «на его чоло(м)битье» диспозиции данной разновидности документов⁷⁰. Первая формула имеет более широкое значение, отражая, в том числе, ритуально-обрядовую сторону явления. О челобитье в виде материальных приношений говорит, скорее всего, вторая формула. Челобитье встречается не только в жалованных листах на земельные владения, должности и другие источники доходов, но также и в листах, которые подтверждали пожалования предыдущих монархов и частновладельческие сделки. Таких листов сохранилось множество. Челобитье фигурирует в большинстве из них, выступая как единственный мотив или как один из мотивов пожалования⁷¹.

Идеальный государь представлялся людям того времени прежде всего как «щочдробливый», «добротливый» и «ласкавый»⁷². Однако щедрость, «добротливость» и ласкавость не являлись синонимом благотворительности. Взамен проявления этих качеств государь ожидал от подданных максимум «нелитованья» горла, минимум – верной службы. Идеальные отношения между монархом и подданными в сфере повседневных практик видоизменялись: обращаясь к государю с какой-либо просьбой, подданные подкрепляли ее материальными приношениями. Тот факт, что в жалованных листах в качестве единственного мотива или одного из мотивов пожалования наряду с верной службой выступало также и челобитье, указывает на то, что государь ценил и щедрость подданных. Эта щедрость была одним из источников пополнения великокняжеского скарба, средства которого направлялись, в том числе, на выполнение обязанностей государя перед подданными. В этом случае мы имеем дело с одним из свойств дара – его циркуляцией в обществе. Рациональный характер челобитья проявлялся в следующем. Тогда, когда служба (в том числе военная) выполнялась за собственный счёт, размер челобитья отражал степень возможности, способности, готовности и рвения к выпол-

⁶⁹ *Bardach J.* O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 372. См. также: *Tenże.* Darowizna wzajemna na Litwie w XV i XVI w. / *Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego.* S. 174–187; *Tenże.* Czołobicia i pokłony. Kartka z dziejów administracji Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV–XVI w. (далее – *Bardach J.* Czołobicia i pokłony) / *Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego.* S. 379–390.

⁷⁰ Например, наррация – «*Бил нам чолом маршалок и секретар наш латинскии... пан Миколаи Михнович Рачковича и просил у нас чотырох пустовщин у Васишишском повете Заболоцкого десятку <...>*»; диспозиция – «*И мы, з ласки н(а)шое, на ег(о) чоломбите то вчинили: тыи чотыри земли пустых верхуписаных п(а)ну Миколаю есмо дали...».*

⁷¹ Например: «*з ласки нашео и тежъ для ихъ чоломбитья*», «*за его к нам верную службу и теж на его чоломъбитье*» и др.

⁷² РИБ. Т. 30: Литовская Метрика. Отделы 1–2. Ч. 3: Книги Публичных дел / Под ред. И. И. Лаппо. Юрьев, 1914. Т. 1. Стб. 134 (1547); 252 (1554).

нению этой службы, так же как и обязанностей по должности, едва ли не всегда требующих собственных расходов.

Ю. Бардах не связывает между собой явления дара и заочных листов. Однако, на наш взгляд, между этими явлениями существует непосредственная связь. Как известно, в социоантропологической трактовке дара, которая включает тесно связанные между собой обязанности – дарить, принимать дар и отдаривать – крайне важными являются обязанности принимать дар и отдаривать⁷³. Нам мало что известно о действии обязанности принимать дар, но в канцелярии ВКЛ первой трети XVI ст. механизм отдаривания вступал в силу автоматически, как только дар, т. е. челобитье, было принято⁷⁴. В этом контексте важным является следующий вопрос: в какой степени великокняжеское пожалование (в данном случае – отдаривание) соответствовало просьбе челобитчика; другими словами, подразумевалось ли, что предметом пожалования непременно должно было являться то, о чем просил челобитчик? Подчас складывается впечатление, что государь жаловал то, что у него просили, даже вопреки элементарному здравому смыслу. Дворянин Костя Кузьмич Косов выпросил у великого князя нескольких людей и пустых земель в Витебском повете, в тех волостях, которые были захвачены «московским», т. е. **за границей** государства. Очевидно, государь, точнее сотрудники канцелярии, особо не вникали в суть просьбы, когда получив дар-челобитье или информацию о принятии дара-челобитья (где принималась челобитье в пользу великого князя, пока установить невозможно, возможно – в скарбе), на основании только одной просьбы подготовили лист витебскому воеводе Ивану Богдановичу Сопеге с приказом, чтобы он выбрал нескольких людей и пустых земель, там, где просил Косов, и дал ему во владение. Однако такое решение заставило задуматься витебского воеводу, который, обсудив приказ государя с витебскими боярами, посчитал более целесообразным дать Косову владение в пределах существующих границ Витебского повета («от границы ж московское»)⁷⁵. С этого и многих других источников следует, что не канцелярия, а, как правило, местные власти сдерживали (хоть и не всегда⁷⁶) желание челобитчиков: именно они отказывали челобитчикам в пожаловании, если оно было «шкодно» для государя⁷⁷. Таким образом, при том, что

⁷³ Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Его же*. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 151 и др.

⁷⁴ В данном случае характерны определённые параллели. Некоторые исследователи (В. И. Сергеевич и др.) считают, например, жалованную грамоту на Руси простым ответом на просьбу челобитчика. По мнению С. Б. Веселовского выдача грамот носило «автоматический» характер, имея ввиду русские жалованные грамоты монастырям. – *Каштанов С.М.* Письмо французских королевских актов XII – первой четверти XIII в. (о книге Франсуази Гаспарри) // *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР*. М., 1974. С. 313.

⁷⁵ LM–12. № 208. Р. 234–235 (1523).

⁷⁶ LM–14. № 445. Р. 190 [1524]; № 563. Р. 228 [1525]

⁷⁷ Например: LM–9. № 144. Р. 140–141 (1514); № 543. Р. 301 (1516); № 716. Р. 381 (1517).

местные власти также получали челобитье⁷⁸, их иммунитет к последним был более устойчивым. И это понятно – сувереном являлся великий князь, он же был источником пожалований. Даже если земли и люди давались местными властями (воеводой, старостой, наместниками-державцами), такие пожалования имели силу «до воли и ласки господарьской», и только после «потвержения» господарем они могли быть переведены в пожалование «на вечность». Поэтому челобитья, взамен которых подданные просили земельные пожалования, более обязывали господаря; в данном случае челобитье, адресованное представителям местной власти, играло второстепенную роль. Как бы там ни было, обязанность отвечать на просьбу челобитчика действовала на господаря неуклонно. Например, господарь пожаловал служебнику виленского пана, жомойтского старосты Станислава Яновича Шимке Митковичу (в источнике он одновременно назван господарьским боярином) десять служб людей и четыре пустощины в Жосецкой волости Веленскага повета Жомойтской земли. Жомойтский староста ввёл Шимку во владения. Но потом великому князю писал веленский державца Иван Андреевич, сообщая, что пожалование этих людей и земель «есть на великой шкоде» Веленскому двору: Шимка, не имея чувства меры, выбирал со всей волости «што налепъшии, набогатъшии люди на выбор, одинъ от другого ч(о)л(о)в(е)ка у полторы мили, въ посредку» господарьских людей, в результате чего люди, «которые были межы тыми людми, розышли ся были прочь». Так как пожалованные владения, которых «упросил» Шимко, были «зъ шкодою» Веленского двора, великий князь возвратил их себе. Шимко возобновил попытку получить пожалование и бил челом господарю, чтобы вместо тех людей и земель дали ему в Жомойтской земле другие десять служб людей и четыре пустощины. Великий князь ответил на просьбу Шимки положительно, велел Станиславу Яновичу «обрати» владения и ввести в них Шимку «без отволоки». Кроме господарьской ласки, ещё одним мотивом пожалования монарха было челобитье Шимки, причём, если верить источнику – «немалое»⁷⁹. В сложившейся ситуации «столкнулись» два челобитья: одно – Шимки, другое – приставов и всех людей Веленской волости, за которое последние выпросили у великого

⁷⁸ Троцкий скарбный Васко Ивашкович получил от великого князя Дорсунишскую пушу на четыре версты вдоль и три версты поперёк и писал до дорсунишского наместника Юрья Зеновьевича, чтобы он ввёл во владение. Но Юрей отсутствовал в Дорсунишках и не выполнил поручение великого князя. В листе троцкому воеводе и дворному маршалку Григорю Станиславовичу Остиковичу великий князь писал, что Васка «от того нам и врьдником нашим немалое чолобитье дал» и просил «против тог(о)» пяти пустощин в Высокодворской волости Троцкого повета. Великий князь пожаловал ему эти земли. – LM–9. № 538. P. 295 (1514). В листе витебскому наместнику Юрию Глебовичу о пожаловании торопецким боярам Нефедю и Михалку людей Лужосенской волости Витебского повета, великий князь приказывал: «и ты бы имь в то увязанье даль без чолобитья и без увязжого, бо деи они вельми стравили ся и не мають тебе чого дати». – LM–8. № 245. P. 215 (1507).

⁷⁹ LM–12. № 235. P. 249 (1523); *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства. С. 703.

князя обещание никого из них и пустые земли данной волости Шимке не отдавать⁸⁰.

Ситуация с пожалованием дворянину Косте Косову наводит на мысль, что писари могли действовать как настоящие бюрократы: зная своё дело и работая по принципу «разделения труда» на своём участке, они мало вникали в суть пожалований, издавая листы как бы автоматически. Приказ о пожаловании и предмет пожалования оставались в воле господаря и некоторых панов-рад. Но при этом нельзя избежать ощущения, что писари иногда, если не достаточно часто, подменяли в этом господаря и панов-рад, действуя в данном случае, естественно, в силу «служебных» обязанностей, а не властных полномочий. Есть основания полагать, что великий князь даже после 1516 г., когда регулярно стал подписывать исходящие документы⁸¹, не знакомился с содержанием каждого из них. Очевидно, современные исследователи лучше знают, что и кому жаловал господарь, чем он сам. Но если вспомнить, как писари работали (лучше сказать, не работали) с книгами Метрики, то представление о них как о бюрократах, а об их «учреждении» как бюрократическом, рассеивается.

По мнению исследователей дар в цивилизациях, не достигших стадии товарного производства, не имел чисто материальной ценности, а являлся средством создания и закрепления социальных связей, их знаком⁸². Мы не склонны преувеличивать значения дара в период позднего средневековья, но есть основания допускать, что на этом этапе развития общества дарообмен способствовал формированию *особых отношений* между дающими и принимающими дар, даже если в их качестве выступали подданные и господарь. Дар и современная взятка имеют много общего: они иницируют и стимулируют принятие решения; взятка происходит от дара. Но у дара и взятки больше внешних, чем внутренних сходств. Взятка более стимулирует, чем обязывает; дар, наоборот, больше обязывает и, вследствие этого, стимулирует. В отличие от дара, взятка вызывает негативную реакцию в обществе и наказуема, во всяком случае, по законам государства. Давать дары, а также принимать их, как частным лицам, так и представителям власти, в том числе, верховной – норма отношений в обычном праве Средневековья. В традиционном и раннесредневековом обществах дарообмен являлся основополагающим принципом социальной и экономической организации⁸³; определённые каналы дарообмена формировали различные микросоциумы (например, князь и дружина); в позднем же средневековье дар выступал в качестве одной из форм коммуникации господаря и подданных, одним из средств отношений между ними. В ВКЛ, которое, так сказать, по «ускоренному графику»

⁸⁰ LM–224. № 68. P. 88–89 (1523); Bardach J. O praktyce kancelarii Litewskiej ... S. 361.

⁸¹ Груша А. Канцелярия Вяликага княства Літоўскага. С. 122–123.

⁸² Гуревич А. Дары. Обмен дарами. С. 129.

⁸³ Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. Феодализм перед судом историков. 2006. С. 25.

за три века прошло в своём развитии те этапы, на преодоление которых отдельным государствам Западной Европы понадобилось около восьми столетий, некоторые старые общественные институты оказались сравнительно жизнестойкими.

Множество листов, исходивших из господарьской канцелярии, старательно фиксировали факты устных и письменных рекомендаций панов-рад ВКЛ (реже – Польской Короны) и даже великой княгини, предшествовавших выходу данных листов. В диспозиции последних прямо отмечается, что одним из мотивов выдачи данного листа являлись «причина» и «жеданье» тех или иных лиц. Информация о подобной протекции и рекомендациях содержится и в заочных листах. В 1522 г. на вальном сейме в Городне было принято решение конфисковывать имения у подданных, не явившихся на господарскую и земскую службу в установленное время и место, и жаловать эти имения тем, кого будет рекомендовать наивысший гетман Константин Иванович Острожский. Выполняя свои обязанности, Острожский писал господарю, что дорогицкий мещанин Станислав Пидай (Пидайко) держит в заставе именье Милковичи Дорогицкого повета, «близкость» земян Горбовских, но с того именья на господарскую и земскую службу не выехал. В связи с этим гетман просил господаря дать указанное именье Станиславу Горбовскому⁸⁴, что и было сделано⁸⁵. В свою очередь к господарю обратился Станислав Пидай, объясняя свою неявку на службу тем, что его оставил в Дорогичине дорогицкий староста Пётр Станиславович стеречь пленённых москвичей. Заручившись поддержкой познаньского епископа Томицкого и некоторых панов-рад ВКЛ, Пидай выпросил именье Милковичи назад⁸⁶. В ответ Горбовский сообщил господарю, что Пидай сам просил дорогицкого старосту, чтобы тот его оставил дома. На этом основании великий князь возвратил Горбовскому и его братаничам именье Милковичи и подтвердил это своим листом⁸⁷.

Имеем и другой пример. В 1524 г. великий князь уведомил палатника и всех монахов Печерского монастыря в Киеве о пожаловании архимандритства этого монастыря Антонию⁸⁸. Но в 1525 г. Антоний был лишён чина на основании информации троцкого воеводы Константина Ивановича Острожского и всех старцев монастыря о том, что Антоний «справоваль се не podle уставы монастырское и привилья» господаря; этот чин был пожалован Игнатию⁸⁹. Антоний, в свою очередь, поехал к господарю, желая «того справи-ти». Великий князь, признав, что Печерский монастырь «без причины в него отняли», отложил разбирательство дела до своего приезда в ВКЛ⁹⁰. В 1526 г. вышло распоряжение великого князя о повторном пожаловании архиманд-

⁸⁴ LM–12. № 39. P. 142 (1522).

⁸⁵ LM–12. № 50. P. 150 (1522).

⁸⁶ LM–12. № 50. P. 150 (1522).

⁸⁷ LM–12. № 73. P. 161–162 (1522).

⁸⁸ LM–12. № 325. P. 296 (1524).

⁸⁹ LM–12. № 484. P. 385 (1525); № 527. P. 415–416 (1525).

⁹⁰ LM–12. № 527. P. 415–416 (1525).

ритства Печерского монастыря Антонию⁹¹, что было подтверждено в 1528 г. привилеем, в котором господарь обещал его не «рушати» с архимандритства «до жывота»⁹². Во время этой истории Антоний действовал таким же образом, как и его противники – оказавшись отстраненным от архимандритства в Печерском монастыре, он ввязался в борьбу за монастырь Пречистой Богородицы в Овруче. Антоний обратился к великому князю и «поведал», что игумен овручского монастыря «в томъ монастыри нерядне с(я) справуеть». В качестве «эксперта» и одновременно «группы поддержки» выступил дворянин Фёдор Елец, подтвердивший слова Антония. Просьба Антония была удовлетворена⁹³.

Что объединяло, например, упомянутых Станислава Пидая и Томицкого? В меньшей степени думается – приятельские или дружеские отношения, или же альтруистическое стремление Томицкого и панов-рад ВКЛ заступиться за несправедливо обвинённого Пидая. Вряд ли Томицкий и паны-рада ВКЛ провели собственное, «независимое», расследование и могли поручиться за невиновность Пидая. Очевидно, мы не совершим ошибку, если выскажем утверждение, что их объединяло обязательство Томицкого и панов-рад помочь Пидая вследствие принятия от последнего дара-челобитья («поклона»). Это были именно те случаи, относительно которых в ВКЛ говорили: «Каждое слово в Литве – золото»⁹⁴. Принимать дар от другого лица и лишь на основании этого свидетельствовать в его пользу, не вникая в суть дела, было, очевидно, если не нормой, то, во всяком случае, обычным явлением. Дар не рассматривался в категориях «взятки», в особенности, если учитывать, что главным «взяточником» являлся сам великий князь.

Такие же взаимоотношения объединяли Антония и Ельца; аналогичным образом складывались отношения между сторонами при получении от великого князя недвижимости или должности, где гарантией достижения желаемого была рекомендация влиятельного лица, скажем, виленского воеводы Ольбрехта Мартиновича Гаштольда.

Различные разновидности листов, относящиеся к судебной сфере, не имеют указаний на принятие челобитья как один из мотивов рассмотрения жалобы или же выдачи того или иного листа. Однако существование практики челобитья в судебных делах нельзя исключать.

Понятно, что удовлетворение господарем заочных просьб своих подданных не было жестко связано с получением челобитья, но речь идёт о действии традиционного института. Просьба была неотделима от дара, одним из воплощений дара была просьба. Дар трудно было не принять, а, вследствие этого, и отказать в просьбе. Неразрывная связь между понятиями «просить», т. е. «бить челом», и «предоставлять дар», т. е. челобитье, заключается в том, что трудно было отказать не столько в даре, сколько в том, что состав-

⁹¹ LM–12. № 568. P. 439 (1526).

⁹² LM–12. № 681. P. 523 (1528).

⁹³ LM–12. № 527. P. 415 (1525).

⁹⁴ *Bardach J. Czołobicia i pokłony. S. 379.*

ляло **единство просьбы и дара**. Таким образом, дар-челобитье не имел исключительно материальной ценности. Поэтому, хотя понятия «бил челом» и «челобитье» в актовых источниках не представляли собой одного и того же, связь между ними очевидна. Пока невозможно точно сказать, когда стала появляться грань, отделяющая собственно просьбу и дар, и когда она стала разрываться. Но в свете рассмотренных данных о заочных листах первой трети XVI в. можно утверждать, что разница между этими понятиями была малоразличима, хотя люди того времени прекрасно понимали суть таких действий, как «украсить свою речь», «заочно упросить» и т. д.

Сила просьбы-дара делала крайне трудным отказ в просьбе даже в тех случаях, когда предмет прошения был уже передан другому лицу. Одним из средств сохранить полученное, своеобразной гарантией от передачи его в другие руки была специальная оговорка в жалованном листе. В привилее князю Ивану Львовичу Глинскому на новгородское воеводство сказано: «А естли бы от кого-колве до нас какии речи на него прышли, которыи ж бы некако не были намъ ку пожитку або от людеи наших Новгородског(о) пове-та жалобы заочне, тогды *не маемъ его в том ни в чом на заочное поведанье и жалобы виновати*, але маем ему в том всем с таковыми очевистую справедливост делати, а без вины с тог(о) держаня не маем с того рушити»⁹⁵. Отдав в заставу маршалку и охмистру Войтеху Яновичу двор Кормялово Ковенского повета, великий князь Александр, между прочим, оговаривал: «штожь его м(и)л(о)ст не мел в него и в жоны, и в дети, и в ближних его, зъ гневу своего и на помову людскую...» отнимать этот двор, пока не вернёт деньги⁹⁶. Скерстомонский державца и секретарь Станислав Якубович Скоп получил в держание от господаря двор Скерстомонь Жомойтской земли. Но в 1529 г. Скоп бил челом великому князю и просил гарантий своего держания, поскольку нашлись недоброжелатели, пытающиеся заполучить тот двор: «некоторые многие нас за то просили, абыхмо его с того двора нашого рушыли и им деръжати дали». Великий князь выдал лист, в котором обязывался не отнимать двор и не давать его другим лицам «на жадную причину и объмову заочную, а наболей, будучи нам въ панстве н(а)шомъ – Коруне Полской. Нижли, кгда будемъ у Великомъ князстве Литовьскомъ, а на нег(о) бы хто мовил, абы был несправный або шкодливый у дворе н(а)шом, а тог(о) быхмо по немъ достаточне доведали, тогды в тот час мамы то въчынити, на што будет(ь) воля н(а)ша, г(о)с(по)д(а)рьская»⁹⁷. В уставном привилее Витебской земле сказано: «А на заочное поведанье не верыти»⁹⁸. В уставном привилее Полоцкой земле данное положение развивается: «А хто кого обадит явно а любо таино, ино намъ его не казнити ни одною виною, ани именовем, ни нятствомъ, ни серебромъ, ни шыею, олижь поставити его очи на очи на явномъ

⁹⁵ LM–8. № 186. P. 185 (1507).

⁹⁶ LM–8. № 279. P. 231 (1507).

⁹⁷ LM–224. № 408. P. 340 (1529).

⁹⁸ LM–8. № 387. P. 291 (1509).

суду хрестияньскомъ, и того, хто вадиль, и того, хто на кого вадиль, и до-смотревъши межи ними правое нити, хто будетъ што заслужиль, какъ право вкажетъ, такъ его казънито, а котории которую вину будетъ заслужиль, ино того самого казнить по его вине» и т. д.⁹⁹ Из этих оговорок следует, что, в принципе, господарь мог отобрать пожалование на основании «помовы людской», заочной «обмовы» и «поведанья», но мог и провести разбирательство, «поставивши» обвиняемого «очи на очи» **«на явьномъ суду хрестияньскомъ»**. В данном случае очень характерно противопоставление «помовы людской», заочной «обмовы» и «поведанья», с одной стороны, и «явнього суда хрестияньского», с другой.

Проблема издания заочных листов отражает особенности формирования письменной культуры. В качестве доказательства правоспособности тех или иных лиц письменный документ уже имел решающее значение, но способ получения этого документа часто напоминал отношения, господствующие в традиционном обществе. Под достаточно плотной оболочкой «листов-твёрдостей» выступало довольно хлипкое понятие под названием «письменная культура». Дар-челобитье часто являлся более красноречивым, чем (письменная) запись. Господарь чётко определял свои обязанности перед подданными: «тые две речы рачыть вамъ (подданым. – А. Г.) быть повиновать, то есть оборону а справедливость»¹⁰⁰. Он очень чутко реагировал на жалобы подданных, но всё его усердие в осуществлении правосудия посредством выдачи заочных листов приводило к негативным с точки зрения этого же правосудия результатам. Подданные искали причину выдачи заочных листов в злоупотреблении писарей канцелярии, но причина коренилась в тех механизмах функционирования общества, которые считались вполне естественными и нормальными: просить, сопровождая просьбу даром, и получать то, о чем просишь.

В этой статье мы остановились только на отдельных сторонах такой многогранной и многоаспектной проблемы, как функционирование заочных листов в ВКЛ. В перспективе следовало бы рассмотреть вопрос о заочных листах в контексте отношений доверия и недоверия, в частности, между господарем и подданными. Великий князь верил и надеялся, что обращающийся с просьбой и приносящий дар говорил правду. Это вводит нас в сферу таких общественных отношений, которые основывались на коллективизме, солидарности и публичности. В условиях существования таких отношений господарь выступал в качестве посредника, письменно оформляющего волю просителя листа, решение которого было «отработано» на месте, т. е. если он обращался за листом, значит – имел на то основания. Господарь выступал тут больше как пассивный гарант правопорядка, защита же своих прав была делом самих сторон.

⁹⁹ LM–8. № 8. № 613. Р. 452 (1511)

¹⁰⁰ РИБ. Т. 30: Литовская Метрика. Отделы 1–2. Ч. 3: Книги Публичных дел / Под ред. И. И. Лаппо. Юрьев, 1914. Т. 1. Стб. 111.